

Михаил ЗУЕВ

СТРУНА

*Сослану Васильевичу
ЦХОВРЕБОВУ
(1931–1999)*

Пустынный каменистый берег. Иссиня-черный вязкий спокойный океан. Густой серый воздух. Разлитое в нем сияние.

Мачта, вырастающая из скал; рвущаяся острой вершиной в иссиня-черное опалесцирующее небо. Струна, укрепленная одним концом высоко на мачте. Струна, уходящая туда, за осязаемо четкую линию светящегося горизонта.

Более ничего.

Человек у подножья мачты. Руки, вцепившиеся в скобы. Подъем. Минуты ли? Часы? Годы?

Он вышел на площадку, там, на высоте. Перед ним небо, ветер, океан и струна, уходящая за горизонт. Человек зябко поежился, нервно попробовал ступней струну.

Она неслышно завибрировала.

Человек отступил назад. Всего на полшага. Потом раскинул руки, и напряженная чувствительная стопа легла на струну уверенным первым шагом.

Человек пошел.

Более ничего.

Прошло время, пройдено пространство, и мачта скрылась вдали за его спиной. Остались небо, ветер, океан и струна, уходящая за горизонт.

Человек шел терпеливо, размеренно. Иногда ропща, иногда оступаясь. Человек шел вперед.

Напряженные чувствительные стопы, в которых поначалу каждый шаг отдавался изматывающей болью, привыкли и огрубели. Набегавшие порывы ветра уже не вселяли ужаса — ведь теперь Человек знал, что стоит лишь чуть-чуть изменить положение рук, и никакой ветер ему не страшен.

Вдали у горизонта появилась маленькая черная точка. Потом она долго росла, приближалась, и, наконец, обратилась большой Птицей.

Птица поравнялась с Человеком, замедлила полет, и словно повисла в густом сером светящемся воздухе. Человек шел; Птица парила поодаль. Так в молчании прошло время.

Наконец, Птица спросила:

— Куда идешь ты?

Человек промолчал; наверное, он не расслышал Птицу. Он был очень занят своим делом. Он шел.

Птица повторила свой вопрос:

— Куда идешь ты?

Тогда Человек повернул голову и посмотрел Птице прямо в глаза, наполненные цветом Вечности. Такие же иссиня-черные, как раскинувшийся под ними безграничный спокойный океан.

— Я иду туда, — сказал Человек, — где кончается струна. — Я вышел, — сказал Человек, — оттуда, откуда она начинается. И мне непременно надо быть там, где ее конец.

— Зачем? — спросила Птица, и искра живого интереса почудилась Человеку в ее бесстрастном взоре.

— Так устроено, — ответил Человек. — Ведь если у струны есть начало, то непременно есть и конец. И если я был в начале, я должен изведать конец. Ведь так?

— Тебе виднее, — усмехнулась Птица и замолкла.

Так в молчании прошло время.

Более ничего.

Птица парила неслышно. Человек шел упорно, с трудом, отступаясь; теряя и вновь обретая равновесие. Капли пота — от усилий — выступали на его лбу. Капли слез — от дум — высыхали на его глазах. Капли крови — от долгого пути — стекали по его стопам.

Птица заговорила внезапно.

— В моих силах, — сказала она, — дать тебе крылья. Тогда мы вместе полетим с тобой туда, за линию горизонта. Туда, откуда я прилетела. Туда, где кончается струна. И мы вместе окончим твой путь.

Человек молчал. Силы оставляли его, но он шел. Ему было нужно в точку, в которой заканчивается струна.

Более ничего.

— Послушай, — промолвила Птица. — Это ведь так легко, когда у тебя крылья. Неужели ты не хочешь узнать, что там — куда ты идешь?

— Хочу, — прохрипел Человек, облизывая потрескавшиеся от жажды губы.

— Так полетели! — воскликнула Птица, и ее крылья изменили угол атаки, готовясь в следующее мгновение рассечь воздух острым свистом.

— Не могу, — ответил Человек, — не могу, потому что есть путь и я должен его пройти.

Ничего не ответила Птица. Мудрая грусть заволокла ее серо-стальные зрачки. Она взмахнула крыльями и стала превращаться в точку, растворяющуюся в сиянии линии горизонта.

Более не появилась Птица. А Человек продолжал свой путь.

Пока билось его сердце.